

Классовая борьба

Марксизм опорочивал и накладывал печать известного одиума на все, к чему ни прикасался. Это потому, что в основе всего в нем лежит порочное, однозное мирозерцание.

Так случилось и с идеей классовой борьбы. Между тем, эта идея совсем не марксистского, а очень древнего происхождения. Она также стара, как сам факт классовой борьбы. — Рабы и рабовладельцы, патриции и плебеи, феодалы и крепостные, наконец, пролетарии и буржуазия — все это в разных вариациях одна и та же антагонистическая линия, идущая в глубокую древность и имеющая везде самое разнообразное свое выражение в сознании. И за идеей этой — не только известный реальный факт, не только об'ективная историческая истина, ибо в известном смысле, действительно, «вся история есть история борьбы классов», но и безусловная, глубокая моральная санкция. Социальное неравенство людей и угнетение человека человеком — одно из основных несовершенств мира. При таких отношениях лишь один человек является суб'ектом, а другой есть только его об'ект. А между тем, это — основной нравственный постулат, — лучше всего сформулированный Кантом, — что каждый человек есть суб'ект, самоцель, а не об'ект, не средство. Следовательно, борьба угнетенных, поработанных масс имеет глубочайший нравственный источник. Ее движущей силой является стремление к осуществлению всей полноты достоинства человека. Ее цель — освобождение.

В чем же ложь этой идеи классовой борьбы в ее обычном понимании, — та ложь, которая в особенности свойственна доктрине марксизма?

Она заключается в том, что производственно-творческая иерархия в отношениях людей смешивается и подменяется социальным неравенством между ними; дифференциация общественных групп растворяется в противоречиях общественных классов. В действительности, если социальное неравенство не является нормальным порядком и должно быть нравственно осуждено, то производственно-творческая иерархия является не только нормальным и необходимым порядком, но она должна быть и нравственно санкционирована. Этого требуют не только общие интересы культурного развития и творчества, но и правильно понятая идея равенства, так как иерархическое равенство духовно неравноценных величин есть величайшее неравенство. В большевистской же практике пошли дальше даже такого мнимого и ложного равенства, утвердив иерархию наоборот, так что, действительно, последние стали первыми.

Итак, мы не только можем — в смысле объективной истины, но и должны признать правду классовой борьбы, имеющей и нравственное обоснование. Но признавая ее правду мы должны преодолеть обычно с ней связываемую ложь, утвердив идею равенства на более высоком, положительном и творчески целесообразном обосновании, служащем базой не шкурнической марксистской охлократии, а подлинной, творческой, духовной аристократии — не прислуживающей низшим инстинктам масс, а способствующей творческой их мобилизации. Нужно знать, что в наше время происходит перемещение борьбы за социальную справедливость из рук подонков общества в руки его лучших представителей, создавая тем самым запрос на новый и более высокий общественный идеал.

К. Чернецкий.